Анна Гавальда

Mathilde

Anna Gavalda

Матильда

НОВИНКА

Анна Гавальда
Матильда

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10885689
Анна Гавальда. Матильда: АСТ; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-089718-6

Аннотация

Матильде 24 года. Она бросила изучение истории искусств ради не слишком интересной работы и снимает квартиру вместе с двумя сестрами-близняшками.

Она говорит, что счастлива, но прибегает к алкоголю всякий раз, чтобы об этом вспомнить.

Однажды она забывает в кафе свою сумочку. Некий молодой человек возвращает ей ее неделей позже. Спустя несколько месяцев – и именно из-за него – она решает изменить свою жизнь.

Содержание

Акт первый 7
1 7
2 9
3 12
4 17
5 21
6 27
7 28
8 33
9 36
10 39
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Анна Гавальда
Матильда

Anna Gavalda «Mathilde»

© Éditions Le Dilettante, Paris, 2014
© Позднева Т., перевод, 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

© M. Heinry

Никогда не поздно изменить свою жизнь, объясняет автор, вновь прибегая к средствам из своего гавальдинского арсенала, чтобы бороться с цинизмом окружающего мира и отстаивать возрождение старых добрых социальных отношений, простые

ценности без выпендрежа…
Ф. Даржан, Le Figaro

Матильда – это отчасти любая из нас: как истинная женщина она переполнена противоречиями, иногда выпивает лишнего, скучает на работе (занимаясь написанием фейковых отзывов в интернете), злится на дурочек. И ждет большой любви. Даже если сама в этом не признается ни за что на свете.
Flair

Но как она это делает? Как Анне Гавальда удается сделать своих героев столь близкими нам? Так сильно растрогать нас своим безудержно порхающим пером?
А. Фийон, Lire

Акт первый

1

Кафе около Триумфальной арки. Я почти всегда сижу на одном и том же месте. В глубине зала, слева от стойки бара. Я не читаю, не шевелюсь, не проверяю мобильник, я жду.

Жду человека, который не придет, и от нечего делать наблюдаю за тем, как ночь опускается на «Пристань звезды».

Расходятся последние коллеги, звучат последние тосты, последние плоские шуточки, еще около часа царит полный штиль, и наконец Париж оживает: по улицам рыщут такси, взрослые девочки выходят из леса, хозяин приглушает свет, официанты становятся словно моложе. На каждый стол они ставят свечку – не настоящую, восковую, а ту, что мерцает, но не течет, – и украдкой дают мне понять, что надо бы что-то еще заказать или уж место освободить.

Я заказываю еще выпить.

Это седьмой раз, не считая двух первых, когда я в сумерках прихожу выпить в это злачное место. Я точно это знаю, потому что сохранила все чеки. Поначалу я, должно быть, воображала, что оставляю их себе на память, по привычке или из фетишизма, но теперь?

Теперь я признаю, что делаю это для того, чтоб мне было за что уцепиться, когда я сую руку в карман пальто.

Существование этих клочков бумаги доказывает, что… и что же все это на самом деле доказывает?

Да ничего.

Что жизнь дорога у могилы Неизвестного солдата.

2

Час ночи. Снова впустую. Возвращаюсь домой.

Я живу возле кладбища на Монмартре. Никогда в жизни не ходила столько пешком. Раньше у меня был велик – по прозвищу Жанно, – но я его недавно потеряла. Уже и не помню, когда именно. После вечеринки у незнакомых мне людей, которые живут, по-моему, где-то возле вокзала Сен-Лазар.

Молодой человек тогда проводил меня до своего дома. Идя с ним под ручку, я веселилась, а вот в его постели уже нет. Кошачий лоток, узорчатое постельное белье, постер «Бойцовского клуба» над его икеевской кроватью, в общем… я не могла.

Я напилась меньше, чем ожидалось.

Послать куда подальше, внезапно протрезвев, – со мной такого раньше не случалось, и я себя чувствовала препоганейше. Ведь все-таки я была бы вовсе не против. Да, мне бы очень даже хотелось немножко забыться. Мне это нравилось. К тому же Брэд Питт и Эдвард Нортон не так уж плохи, чтоб держать нам свечку. Но что поделать, меня предало мое тело.

Как такое возможно?

Мое тело.

Такое милое…

В тот момент я бы этого не признала, но сегодня вечером, после стольких километров, пройденных в одиночку, после всей этой пустоты, тщеты, нехватки, постоянной нехватки всего везде, я вынуждена смириться: да, это из-за него.

Все из-за этого паразита, чья подрывная работа впервые проявилась тогда, в этой уродской постели.

Я сидела голая и разочарованная, в растерянности прижавшись спиной к стене, как вдруг он стал утешать меня таким противным голосом:

– Эй… Ты все равно можешь остаться, ага…

Если бы у меня был под рукой карабин, я бы выстрелила ему в голову.

За вот это вот его презрительное «все равно», за одолжение, которое он соблаговолил *in fine*[1] сделать дуре, не пожелавшей у него отсосать.

Ба-бах.

Меня всю трясло. Это продолжалось на лестнице и на улице, где я искала свой велик около фонарных столбов. Меня трясло от ярости. Никогда еще я не испытывала подобного состояния.

Я чувствовала во рту вкус блевотины и плевалась, чтоб избавиться от этой напасти.

---

[1] В конце (*лат.*).

А поскольку я неспособна сплюнуть как следует, то попадала в основном на саму себя, измазав слюнями и рукав, и нарядный платок, и так оно было даже намного лучше, потому что иначе как объяснить, откуда во мне вдруг столько злости?

Со мной случилось то, что я заслужила, но я жила… *все равно*.

3

Меня зовут Матильда Сальмон. Мне двадцать четыре года. Формально я все еще числюсь студенткой, изучающей историю искусств (прекрасное изобретение), а на самом деле работаю на мужа своей сестры. Он богат, хорош собою и невозмутим. Он постоянно трет кончик носа и никогда не носит галстук. Он руководит крупным креативным агентством веб-дизайна, брендинга и промоушена (расшифровываю: если у вас есть товар, который вы хотите распространить через интернет, то именно он разработает для вас красивую витрину и маршрут, ведущий клиента прямиком к оплате) (гарантированно безопасной) и нанял меня в прошлом году.

Ему был нужен наемник, мне – деньги на карманные расходы, так что вечером в мой день рождения мы с ним чокнулись и ударили по рукам. Не самый плохой рабочий контракт.

Как студентка я имею право на множество всяких скидок: на билеты в кино и музеи, на оплату фитнеса и на питание в университетских ресторанах, но поскольку большую часть времени я провожу перед монитором компьютера, медленно, но верно превращаясь в полную идиотку, и при этом слишком хорошо зарабатываю, чтобы кормиться в столов-

ках, то своими льготами я больше не пользуюсь.

Тружусь у себя дома в свободном режиме, по-черному, у меня тысяча имен, адресов, ников, столько же аватарок, и я целыми днями строчу фальшивые комментарии.

Помните контролера со станции «Лила»?[2] Так вот это в точности про меня. Я столько выдаю на-гора, что тоже могла бы спеть:

Пишу комменты, комменты, маленькие комменты,
Второсортные комменты,
Первоклассные комменты…

Мне дают длиннющие списки сайтов с заданиями «опустить» или же «praise only»[3] (все самое ценное в интернет-сообществе всегда говорится по-английски), когда надо сначала подпортить рейтинг, а затем добить потенциального клиента, чтобы предложить ему, разумеется, после того как он должным образом раскошелится, море позитивных откликов на всех форумах и наилучшую возможную позицию в выдаче Google.

Пример: компания *superyoyo.com* занимается производством и продажей суперигрушек йо-йо, но из-за того, что у компании супербездарный сайт (а чтобы в этом убедить-

---

[2] «Контролер со станции Лила”» («Le poinçonneur des Lilas») – песня Сержа Генсбура (*Serge Gainsbourg*, 1928–1991), французского поэта, композитора, автора и исполнителя песен, актера и режиссера. *(Прим. переводчика.)*

[3] Только похвалы (*англ.*).

ся, достаточно лишь почитать все эти нелестные отзывы, оставленные, расшаренные, скопированные, перепощенные, прицепленные, процитированные, отмеченные, написанные в блоге, твиттере, на стене, в чатах, тегированные, запрашиваемые, все эти дислайки и дислолы, разбросанные здесь и там, за подписями Micheline T. (я), Jeannotdu41 (и снова я), Choubi_angel (опять я), Helmutvonmunchen (Ich[4]) или NYUbohemiangirls (me and myself[5])), в Yoyoland царит супербольшая печаль. В конце концов мсье и мадам Йо-йо, проинформированные должным образом о выдающихся заслугах моего зятька – для этого используется одна довольно кривая, но хитроумная схема (слишком длинная, чтобы здесь рассказывать) (все это так неважно), так вот, мсье и мадам ведутся и сами приходят умолять его сделать им новехонький, самый новый сайт абсолютно немедленно. Чего бы то ни стоило! Это вопрос жизни и смерти целого предприятия! И мой зятек в конечном итоге великодушно соглашается им помочь и каких-то три недели спустя – о, чудо! – стоит только набрать на клавиатуре «уо» или «уоу», как ты прямиком попадаешь в Yoyoland (по одной только первой букве «у» еще не выдает, но над этим без устали трудятся), и – о, снова! Какое чудо! – «я» заказывает десяток игрушек для своих шестерых внуков, «и снова я» в полном восторге и уверяет, что расскажет об этом на всех ресурсах супер йо-йо в

---

[4] Я (*нем.*).

[5] *Здесь*: я и только я (*англ.*).

мире, «опять я» говорит, что это оче оче круто —!!! «Ich» хотеть поиметь информации für обределить Yoyo Sector дестрибьютер, а «me and myself» are sooooo excited *coz yoyos are sooooo french*.[6]

Вот и все: я просто пишу комменты. А мой зять откуда-то из недр свой немереной квартиры в 16-м округе Парижа ищет новые пути развития.

Я знаю, на самом деле это была плохая идея. Уж лучше бы дописала (хотя бы начала) свою дипломную работу «От Вильгельмины королевы Нидерландов до Поля Жуани, история и концепция караванов акварелистов и прочих колесных средств для живописи на пленэре» (круто, да?) или бы подумала о своем будущем, о собственной заднице и пенсионных баллах, но, увы, я уже разуверилась по ходу и живу как придется, одним моментом.

Потому что все подстроено… Потому что это всего лишь комменты… Потому что полюса тают, банкиры наконец защищены от убытков, крестьяне вешаются в своих амбарах, а скамейки в общественных местах теперь разделяют перегородками, чтобы на них не устраивались бездомные… И что же, на самом деле? Неужели же я стану заморачиваться, расставляя свои ловушки в таком мире?

Чтобы не думать об этом, я участвую в мелких махинаци-

---

[6] Тааак возбуждены, поскоку йо-йо это тааак по-французски! (*англ. прост.*)

ях моего зятька и Ларри Пейджа:[7] лгу днями напролет и ночами напролет танцую.

Ну, в общем… Раньше танцевала. А теперь потуже затягиваю поясок и брожу в лунном свете в ожидании парня, который даже не знает, что я его жду.

Вот уж действительно, полный бред.

Видно, я совсем чокнутая, остро нуждающаяся, хрупкая, раз докатилась до такого.

---

[7] Пейдж, Ларри (*Lawrence Page*, 1973 г. р.) – американский разработчик, совместно с Сергеем Брином основавший поисковую систему Google. *(Прим. переводчика.)*

4

Полин и Жюли Д. – сестры-близняшки, с которыми я снимаю квартиру площадью 110 кв. м. на улице Дамремон. Одна из них работает в банке, другая в страховой компании. Мои с ними отношения – чистый рок-н-ролл. Между нами нет ничего общего – именно в этом и заключается секрет гармоничности нашего совместного существования: я бываю дома, когда их там нет, а когда приходят они, там уже нет меня.

Они ведут счета, я получаю их посылки (всякие глупости из интернет-магазинов), хожу за круассанами, а они выносят помойку.

Это великолепно.

На мой взгляд, они обе дурочки, но я рада-радехонька, что на своем кастинге они выбрали именно меня. Они провели целый ряд собеседований из серии «*в поисках новой соседки, практически безупречной*» (о боже…) (как грандиозно…) (еще один незабываемый эпизод моей сумасшедшей юности…) и выбрали меня. Хотя я так никогда и не смогла понять почему. В то время я работала сотрудником, да что я говорю, каким там сотрудником, просто смотрителем! дежурной! в музее Мармоттан,[8] так что думаю, папаша Моне

---

[8] Музей Мармоттан (полное название: Мармоттан-Моне) – расположенный в 16-м округе Парижа музей изобразительных искусств, известный своей коллек-

добавил мне баллов: юная девушка, чистенькая-опрятненькая, которая проводит столько времени среди знаменитых «Кувшинок», по определению не может быть непорядочной.

В общем, как я уже говорила, обе они дурочки.

Париж для них представляет собой лишь обязательную строчку в резюме. Жить им в Париже не нравится, и обе они только о том и мечтают, как бы поскорее вернуться в свой родной Рубэ, где у них остались и папа, и мама, и их жирный кот Папуй, и куда они сваливают при первой же возможности.

Я с удовольствием пользуюсь выпавшей на мою долю удачей (суперквартира в моем единоличном пользовании по выходным с целой стопкой аккуратно сложенных под раковиной салфеток из микрофибры, которыми так удобно вытирать блевотину моих друзей), пока сестрички не решились окончательно покинуть Париж.

То есть я пользовалась. Но сейчас я… уже в этом совсем не уверена. Мне кажется, мне становится все сложнее их выносить… (Приходя домой, они натягивают на ноги тапочки «Изотонер» и слушают за завтраком радио «Шант Франс», порой это нелегко), но на самом деле проблема во мне, и я это четко осознаю. Они обе всегда предельно любезны и даже делают звук потише, когда я витаю в ароматах их утрен-

---

цией полотен импрессионистов, и в частности крупнейшим собранием работ Клода Моне. *(Прим. переводчика.)*

него кофе с цикорием. Мне не в чем их упрекнуть.

Да, это именно я и только я виновата в своем состоянии. Вот уже почти три месяца, как я не наслаждаюсь жизнью, никуда не хожу, не пью алкоголь, не…

Не чувствую себя хорошо.

* * *

Три месяца тому назад в квартире еще шел ремонт.

Она досталась нам не в самом лучшем виде, и Полин (наиболее ушлая из сестер) убедила хозяина доверить нам ее ремонт в счет погашения арендной платы в размере суммы окончательной стоимости проведенных работ. (Та еще фразочка, авторство не мое – уверяю вас!) Сестрички радовались как дети, купили себе рабочие комбинезоны, начертили планы, перелистали горы каталогов, запросили массу смет, обсуждали их вечерами напролет, прихлебывая свои травяные чаи. Я тогда даже задумалась, не ошиблись ли они в выборе профессии.

Вся эта суета меня раздражала. Мне нужен был покой, поэтому я не появлялась дома, перебравшись варганить тексты в улей к своему зятьку в компанию ко всем этим его милым айтишникам последнего поколения, ладно, надо признать, у нас действительно были проблемы с проводкой (стоило только включить плиту, как мой комп начинал моргать), со стен

облезала краска, а в ванной было не развернуться (приходилось все время перешагивать через старое биде). И поскольку сама я ремонтом не занималась, то когда девочки предложили мне просто заплатить свою часть, причем лучше наличными, – тогда нам еще и НДС (как минимум!) вернут и мсье Карвальо (избранный строитель, изворотливый и очень занятой) нас отблагодарит, – я не заставила себя просить.

Да, с этой точки зрения, я же не дикая.

Почему я об этом вспомнила? Потому что, если бы не вкрадчивый шантаж мсье, «измученного» всеми этими его социальными выплатами, если бы не стремительный рост НДС в строительстве и если бы все мы не были в этом виноваты, абсолютно все – и девочки, и мальчики – а прежде всего он, – то я бы сейчас не торчала в этом депрессивном квартале в ожидании собственного конца.

Рассказываю:

5

Это было в кафе около Триумфальной арки. Я сидела в глубине зала, слева от стойки бара. Я не читала, не беспокоилась, не проверяла свой мобильник, я ждала Жюли.

Мою соседку по квартире, ту, что работает в банке, в BNP (сама она всегда уточняет: BNP Paribas), и все у нас считает, записывает расходы, делит на всех (квартплата, коммунальные платежи, подарки консьержке, счета, чаевые, моющие средства, календарь с пожарными, туалетная бумага, гель для душа, коврик для ванной и прочее в том же духе, еще более невообразимое).

Мы договорились встретиться с ней во второй половине дня, ближе к вечеру, в каком-нибудь баре рядом с ее работой.

Меня немного злило, что ради ее прекрасных глаз мне пришлось тащиться через весь Париж, но я знала, что ей еще потом надо успеть на поезд, к тому же все-таки я… уф… в нашей компании наименее усердная.

Жюли должна была мне передать деньги за себя и сестру для нашего любимого мошенника строителя, с которым я собиралась встретиться утром следующего дня, в общем, довольно пухлый конверт, или десять тысяч евро наличными.

Да уж… Ни хухры-мухры… Как в Версале.

Я воспользовалась свободным временем и прошлась по

магазинам – в то время я была еще самой заурядной миниатюрной брюнеткой: глупой, игривой пустышкой и транжирой – и, поджидая Жюли, я не сводила глаз с кучи пакетов, лежавших подле меня на молескиновой банкетке, полных всяких штучек, аксессуаров, косметики и прочих ненужных пар обуви.

Я изучила километры витрин и теперь потягивала свой мохито, оправляясь от пережитого.

Я чувствовала себя разбитой, поверженной, раскаивающейся и абсолютно счастливой.

Девочки поймут.

* * *

Жюли появилась ровнехонько, как договаривались, минута в минуту, в своем сером мышином костюмчике. У нее не было времени со мной выпить, хотя, так и быть, она согласилась – ну разве что бутылочку минеральной воды. Она дождалась, пока официант уйдет, недоверчиво огляделась по сторонам, в конце концов извлекла из своего портфеля пухлый конверт и протянула его мне со страдальческим видом, как любой банкир, вынужденный вам выдать немного денег.

– Ты что, даже в сумку не уберешь? – заволновалась она.

– Уберу, уберу. Конечно. Извини.

– Ты знаешь, это все-таки крупная сумма…

Я невозмутимо размешивала листики мяты в своем бокале, но судя по всему, ее это не убеждало:

– Ты ведь будешь внимательна, да?

Я с важным видом подтверждаю (бедняжка, откуда ей знать, что от капли рома с лаймовым соком я не пьянею…), затем беру всю наличность и кладу в сумочку, которую для пущей убедительности оставляю у себя на коленях.

– Вся сумма в купюрах по сто… Я сначала засунула их было в обычный банковский конверт, но потом подумала, что это слишком заметно. Из-за логотипа, ну ты понимаешь… Поэтому я конверт поменяла.

– Ты все правильно сделала, – отвечаю я, одобрительно кивая головой.

– Да, и к тому же, как ты видела, я не стала запечатывать конверт, чтобы и ты могла доложить туда свою часть…

– Прекрасно!

И поскольку она оставалась все такой же напряженной:

– Эй, эй, Жюли… Все в порядке, вот… – добавила я, перекинув через голову ремень сумки. – Смотри! Я вылитый сенбернар! Да получит он свои денежки, этот ваш жулик Антонио, все получит. Не волнуйся.

Она растянула губы то ли в улыбке, то ли в тяжелом вздохе, сложно сказать, и занялась изучением счета.

– Оставь, это мой счет. Давай, беги уже, а то опоздаешь на поезд. Поцелуй там от меня своих родителей и скажи Полин, что ее посылка получена.

Она встала, бросила последний печальный взгляд на мою старую сумку, завязала пояс на своем тренче и отправилась, словно бы с сожалением, на уик-энд в отчий дом.

И только потом, в этом кафе около Триумфальной арки, где я сидела в глубине и т. д., я отыскала свой мобильник. Марион оставила мне сообщение, любопытствовала, купила ли я то маленькое синенькое платьице, которое мы вместе с ней обнаружили на прошлой неделе, насколько я уже влезла в долги и есть ли у меня планы на сегодняшний вечер.

Я ей перезвонила, и мы отлично поболтали. Я в подробностях описала свою добычу, синенькое платьишко не взяла, зато купила отпадную пару туфель, премиленькие заколки и восхитительное белье, ну да, конечно ты знаешь, лифчик такой, как у «Эрес», ну да, с такими чашечками и такими бретельками, трусики умопомрачительные, нет, нет, уверяю тебя, совсем недорогие и, правда, очаровательные, ну да, конечно ты знаешь, такие, что прячут все самое вкусненькое в кружевах, и бла-бла-бла, и то да сё, и о-ля-ля.

Потом я рассказала ей о том, как тряслась наша великая отмывательница денег, моя соседка, о конверте с логотипом, и даже о том, как я повесила сумку себе на плечо с видом заправского предводителя скаутов Франции, чтобы ее утешить, и тут уж мы, само собою, так и покатились со смеху.

Потом мы поговорили о всяких серьезных вещах, а именно: об организации одной вечеринки, о тех, кто там будет, и

как мы с ней собираемся туда нарядиться. Не забыв попутно, в первом приближении, перебрать всех особей мужского пола, которые могли туда заявиться, с полной и исчерпывающей характеристикой каждого: пробег, изношенность, семейное положение, список дипломов и репутация предприятия.

Болтовня разбудила жажду, и я заказала еще мохито, чтобы подкрепиться.

– Что это ты там грызешь? – внезапно заинтересовалась моя приятельница.

– Кубики льда, – призналась я.

– Но как ты можешь? – в ужасе воскликнула она, а я ей в ответ, с идиотским видом намекая на секс, возьми да и ляпни, что, мол, в определенных обстоятельствах привычка грызть лед очень даже помогает.

Конечно, это была пустая бравада. Мутная чушь, отрытая в каком-то старом детективе, которую я выдала, просто чтобы рассмешить подругу, и тут же забыла, но отчетливо вспомнила несколько дней спустя и страшно испугалась.

Я еще расскажу почему.

Марион в конце концов повесила трубку, я оставила на столе пару купюр, собрала свое барахло и, только когда полезла за ключами от замка к своему велику, поняла, что теряю контроль.

Все остальные сумки у меня были с собой, пакеты с кре-

мами против морщин и с трусиками в горошек, – не хватало только той единственной, которая была действительно ценной.

– Черт, – прошептала я, – ну надо же быть такой идиоткой… – и галопом понеслась обратно, ругая себя на чем свет стоит.

6

Как сильно я вдруг вспотела… И как холодны были эти капельки, сползающие вдоль моего позвоночника… А мои ноги… Они подгибались от слабости… Но продолжали бороться с притяжением куда-то ускользающего пола…

Я рассуждала, урезонивала себя.

Я урезонивала себя, перебегая дорогу в неположенном месте под гудение шарахающихся от меня автомобилистов. Я говорила себе: «Послушай, прошло от силы несколько минут, ты отошла на какую-то сотню метров. Сумка там. Официант наверняка ее заметил, подобрал, пересчитав щедрые чаевые, положил в надежное место и очень скоро отдаст тебе, возведя глаза к небу: ох уж эти девушки…

Успокойся, толстуха, возьми себя в руки».

Я чуть было не угодила под машину и ни капельки не успокаивалась.

Банкетка была еще теплая, на ней по-прежнему виднелся отпечаток моих ягодиц, оставленные мной купюры послушно лежали на столе, а вот сумки не было.

7

Официанты ничего не понимали. Хозяин заведения ничего не понимал. Нет, нет, они ничего не находили, но знаете, учитывая район, здесь уже ничему не стоит удивляться. Вот только на прошлой неделе у них стащили мыльницы из туалетов. Да-да, вы не ослышались: мыльницы. Это немыслимо, вы не находите? Свинтили мыльницы вместе с крепежом. И в этом мире мы живем. Чего уж тут говорить о кадках с растениями вокруг террасы, которые они по вечерам закрепляют цепями. Каково? А столовые приборы? Знаете, сколько у нас выносят столовых приборов в год? Ну назовите какую-нибудь сумму, просто для примера.

Конечно, весь этот утешительный компот я не воспринимала. Мне до этого не было никакого дела. Я была в абсолютной панике, но раз после меня отсюда, по их словам, никто не выходил, значит, этот непорядочный человек все еще здесь.

Я обошла зал и все столики на террасе, осматривая банкетки, стулья, колени, заглядывая под столы и роясь в вещах на вешалках. Я налетала на людей, извинялась, сдерживала слезы, спустилась к туалетам, женский, мужской, «Вход воспрещен», прошла на кухню, приставала ко всем с вопросами, отталкивала тех, кто хотел меня вывести, умоляла, обеща-

ла, не выдерживала, клялась, улыбалась, шутила, пристально изучала, сканируя, приближая, просвечивая насквозь, следила за входом и в конце концов вынуждена была смириться с очевидным: и сумки нет, и ни единого подозреваемого на горизонте.

Меня обманывали. Или же я сошла с ума.

Это возможно. Думаю даже, именно так оно и было. Я была уже неспособна мыслить логически и просто перебирала в голове разные варианты: потеряла ли я сумку, пока шла к велосипеду? Ремешок порвался мне в наказание за то, что я смеялась над своими любезными командиршами? Стала ли я жертвой карманника-виртуоза, орудующего в верхней части Елисейских полей? Это и есть мой свободный вечер? А что, похоже, что все остальные дни недели я провожу в богадельне?

Я уходила оттуда совершенно разбитая под удручающий гул сочувствующих голосов:

– Искренне сожалеем, мадемуазель. Оставьте нам свой номер на всякий случай. И все-таки проверьте помойки в этом квартале. Знаете, они берут только деньги, от остального отделываются сразу. Подождите немного, прежде чем заявлять в полицию, хотя, конечно, бумаги нынче дорогого стоят. В любом случае, я вам говорю, со всеми этими цыганами, которые уже второй год ошиваются на Елисейских полях, здесь больше нечему удивляться.

Ладно… Удачи.

Выйдя на улицу, я разревелась.

Я плакала из-за самой себя. Из-за собственной глупости. Из-за всех этих абсурдных сумок, которые держала в руках. Из-за всех этих вещей, в которых я не нуждалась, на которые мне было наплевать, которые только мешали теперь и…

А мои талисманы, и весь мой хлам, и мои фотографии… И мой телефон, и моя прекрасная косметичка, и мои ключи, вместе с адресом, с нашим адресом, прямо указанном на ключах, а значит, придется менять замки, а соседки мои сейчас далеко, да и на их понимание в такого рода ситуациях рассчитывать не стоит… А моя кредитка, и мой любимый портмоне, и мои деньги, их деньги… Да, их деньги, черт подери! Десять тысяч евро! Десять тысяч евро, которые я должна была отдать этому их дружку завтра утром! Но как же можно быть такой идиоткой? Да уж, как по телефону перед Марион выпендриваться, так нет тебе равных, а стоило только поручить тебе что-то важное, так уж и нет никого.

Что мне делать? Что я должна делать? Как меня зовут? Почему я настолько несносна? Почему? И где можно с этим покончить? Где тут у нас Сена? Мама. Мария. Бог мой. Помогите мне.

Господи, сделай так, чтобы. Господи, обещаю тебе. Иисус, Мария, Иосиф, конечно, выгляжу я совсем не так, но на самом деле я очень часто думаю о вас, знаете, и… И десять ты-

сяч евро, черт подери! Но что у меня в конце-то концов с головой? Как можно быть такой дебилкой? Ох… Святой Антоний[9]… Святой Антоний Падуанский, отвори все укромные местечки… Сжалься… Мои фотки, мой телефон, мои сохраненные сообщения, контакты, воспоминания, моя жизнь, мои друзья… А теперь еще и мой велосипед… Мой пристегнутый велик, который уставился на меня как дурак, ведь и его теперь тоже украдут! И мне даже нечем заплатить за такси… И уж тем более нечего предложить нашим девушкам из Рошфора[10]… О господи, моя кредитка, с кодом и телефоном экстренной связи, чтобы ее заблокировать, мои друзья, мой безлимитный абонемент в кино, видео первых шагов Луизона, моя тушь «Диор», помада «Коко», записная книжка, ключи от агентства, моя любимейшая фотка из автомата, где я вместе с Филу в супермаркете Hyper U в Планкуэте… и мой бесценный блокнот, и все воспоминания, которые он хранил… и пилочка для ногтей… и десять тысяч условных единиц… и… ох…

Я ревела.

Много.

Слишком много.

---

[9] Святой Антоний Падуанский (1195–1231) – один из самых почитаемых святых католической церкви, считается покровителем бедных и путешествующих, помогает отыскивать потерянные ценности. *(Прим. переводчика.)*

[10] «Девушки из Рошфора» (1967 г.) – музыкальная комедия режиссера Жака Деми на музыку Мишеля Леграна. *(Прим. переводчика.)*

Иногда стоит только начать, и одни слезы порождают другие. Я очень долго ревела. Я оплакала абсолютно все. Все, что я в себе не любила, все тайные глупости, что уже совершила, все, что уже по ходу потеряла с того момента, как поняла, что некоторые вещи теряются навсегда.

Я проревела всю дорогу от площади Звезды до площади Клиши.

Полила слезами весь Париж. Всю мою жизнь.

8

У консьержки нашелся дубликат ключей. Мне хотелось ее расцеловать. В знак благодарности я даже погладила ее собаку. Добравшись наконец до домашнего телефона, я сообщила об утрате банковской карты, нашла в папке «Ремонт» номер и оставила сообщение для сеньора Карвальо, чтобы выиграть время. Какая удача в моей полосе неудач наткнуться на автоответчик. Правда, я сильно сомневаюсь, что он понял хоть слово из той каши, что я ему выдала déou connefousãtionne.[11] Неважно, мне все равно теперь некуда перезванивать. Я заперла дверь на два оборота, отправила по электронной почте отчаянное сообщение Марион, приняла душ, порылась в сестринских вещах, подтырила у них снотворных, накрыла одеялом то, что от меня осталось, и закрыла глаза, повторяя про себя абсолютно тупую фразу Скарлетт О'Хара о том, что завтра будет другой день.

Да уж, маленькая бестия, да уж…

Завтра будет гораздо хуже…

Мне хотелось умереть. Знаю, глупо было рассчитывать на такое чудо, приняв пару таблеток «Донормила», ладно, проехали, больше всего мне бы хотелось сегодня вечером, чтобы моя мама сидела у моего изголовья и, тихо напевая песенку,

---

[11] *Здесь*: в замешательстве (*искаж. фр. – итал.*).

нежно гладила меня по голове и чтобы это длилось вечно.

Я принялась тихонечко напевать эту песенку сама себе, чтобы добить себя окончательно, и когда слез больше не осталось, ради восполнения запасов отправилась затариться бутылкой-другой.

* * *

Я с таким трудом одолжила у своего зятя три тысячи, которых мне не хватало на оплату своей части расходов на ремонт, что теперь слабо могла себе представить, как попросить у него еще десять…

Мне и так уже пришлось выслушать его нотацию о белках, стрекозах и муравьях. Нет-нет, ничего серьезного, нет, но от этого было еще противнее. Снисходительные нотки. Покровительственный тон.

Мне не нравилось, когда со мной обращались, как с маленькой девочкой. Моя мать умерла, когда мне и семнадцати еще не исполнилось, поэтому мне смешон Артюр Рембо со всеми его пивными кружками и шипучкой.[12] В этом дерьмовом возрасте, бывает, становишься очень серьезным. Главное, этого не показывать. Продолжаешь жить, без гроша в кармане, покупаешь всякую чушь, чтобы как-то развлечься,

---

[12] Намек на стихотворение Артюра Рембо (1854–1891) «Роман». *(Прим. переводчика.)*

все самое ценное, разумеется, теряешь. Ладно, о'кей, все это печально, но это известный факт, с которым живут, как и со всеми прочими. Вот только не надо больше никаких нравоучений. Нет, это больше не возможно. Тех, кто *знает жизнь* и хочет тебя поучить, уничтожаешь на месте.

Сидя на полу в темноте, прислонившись к дверце духовки, я предоставила мсье Gordon's и мадам Smirnoff позаботиться о моем утешении и забальзамировать мое горе. Я не стану сейчас ударяться в разный психологический бред, но когда мама умерла, мне приходилось сильно стискивать зубы (был ли у меня выбор?), и моя нынешняя потеря этой сумки, когда-то принадлежавшей ей, вместе со всем грузом связей, свидетельств, воспоминаний и всех этих мелких штучек, нежных и незаменимых, теперь наконец-то давала мне полное право оплакать свою утрату.

Я смеялась, захлебываясь слезами и шмыгая ношом. Своим лтом выдавала флова, разрывающиеся черте как. Словно куски димани… динами… ди… которыми я… ди… ать… кто это… здесь… мои шлюзы…

Все взлетело на воздух.

Все.

Все.

Все.

9

Проснулась я в 13:38, как показывали часы на дверце духовки, с жесточайшим похмельем. Самым выдающимся в моем послужном списке.

Я лежала, свернувшись калачиком, на кухонном полу и, пристально изучая межплиточные швы, считала «барашков» под мебелью. «Смотри-ка, – говорила я сама себе, – а он здесь, тот маленький ножик, а мы-то считали, что смахнули его вместе с очистками, а он здесь…»

Сколько времени я так пролежала? Часы. Один за другим. Солнце уже перебралось в салон. В наш роскошный салон, совсем новенький и даже еще не оплаченный.

Уф… Еще минуточку, мадам Тарарам… Буквально пару минут еще полежу носом в помойку, а потом отправлюсь в комиссариат, обещаю вам. Я предупрежу своих дражайших соседок и позвоню зятю. Скажу ему: «Эй, Джеф, у меня есть для тебя отличная новость! Мне нужно еще десять тысяч евро! Ну ладно тебе, будь ласков, чего ты… Я буду писать для тебя дебильные комментарии еще сто пятьдесят лет, отрабатывая свои долги. В любом случае, видно, только на это я и гожусь, что ж… Быть кем угодно и рассказывать что угодно».

Я в саду Маревских в Варенн. Мама объясняет мне, почему не надо рвать крохотные белые цикламены, жмущиеся к

подножиям лип:

– Чтобы они могли дать семена, ты понимаешь?

Она говорит мне это уже в сотый раз, но я настолько взволнована ее появлением, что не решаюсь перечить. А потом откуда-то издалека до нас вдруг доносится страшный шум. Гром? – пугается мама, нет, отвечаю я ей смеясь, нет, это ремонт, ты же знаешь, они в квартире сейчас все ломают, и тогда она мне…

Кто-то барабанил в дверь. Черт, который сейчас час? Звонки, крики, чудовищный гвалт. О-о-ох, моя голова-а-а-а… Я приподнялась, у меня… что-то прилипло к щеке… хлебный мякиш… 18:44… Черт, я весь день провалялась под раковиной и… ай… еще этот гадский сифон.

– Открывайте, или я вызову пожарных! – требовал чей-то голос.

Консьержка. Она была вне себя. Она уже третий раз ко мне поднималась. Она с самого утра пыталась до меня дозвониться. Моим соседкам также не удавалось со мной связаться, и они трезвонили ей.

– А поскольку я поклялась им, что вы здесь, так вот они разволновались, вы понимаете? Подумали, что с вами что-то случилось. О господи… сколько хлопот! Сколько хлопот вы нам доставили!

Мой отец до них дозвонился. Отец, с которым я не разго-

варивала вот уже несколько лет, но чей телефон по-прежнему значился в моих контактах под именем «Папа» из чистой слабости и/или остатков дочерней любви… но поскольку мадам Старович видела, что я в полной прострации и ничего не понимаю из того, что она мне тут прогоняет, то в конце концов она просто схватила мою руку и ласково так ее потрясла:

– Кто-то нашел вашу сумку…

Она отпустила меня, вытаращив глаза.

– И что? Почему же вы плачете? Не надо так плакать, помилуйте. В жизни все образуется!

Я слишком громко всхлипывала, чтобы подтвердить ее правоту. Я пробовала взять себя в руки, успокоить ее, но видела, что она принимает меня за окончательно сбрендившую, и пока я улыбалась ей вся в соплях, в моем растерзанном грязном мозгу звучал тоненький голосочек: «Ох, спасибо… Спасибо, мама».

10

Я позвонила на Крайний Север. Мне повезло, трубку взяла Полин, иначе моей участи не позавидовала бы и Суассонская чаша,[13] окажись она даже из чистого асбеста.[14] А так у нас получился обычный, не слишком радушный разговор, состоящий из горестных вздохов, язвительных замечаний и минимума информации, процеженной сквозь зубы. Меня все это настолько достало, что в конце концов я прогнала ей какую-то немыслимую хрень (знаю, знаю, в этом нет никакой моей заслуги, это просто моя работа), не рискнув послать ее куда подальше. На сегодня эмоций мне было достаточно. Так что, уточнив усталым голосом, что она не обязана обращаться со мной как с полоумной, я сказала, что их конверт уже не лежал в той сумке и их денежки целы и невредимы. Все хорошо. Конец психодрамы. Расходимся.

Ха… Как же она сразу расслабилась, маленький мой вол-

---

[13] Суассонская чаша – по легенде, была разрублена мечом при дележе трофеев после битвы при Суассоне в 487 году одним из воинов, не согласившимся отдать ее королю франков Хлодвигу, который собирался по просьбе епископа вернуть ее церкви. Годом позже на военном смотре Хлодвиг разрубил голову непокорному воину со словами: «Вот так и ты поступил с той вазой в Суассоне». *(Прим. переводчика.)*

[14] Асбест – токсичный канцерогенный материал. Его опасность для здоровья, полный запрет на использование, а также меры по выявлению, изъятию и уничтожению этого материала в ранее построенных зданиях широко обсуждаются во Франции с конца 90-х годов XX века. *(Прим. переводчика.)*

чонок… Ее голос стал теплее градусов на десять, и все ее объяснения прояснились. Я, конечно, выслушала все то важное, что она имела мне сообщить, но именно в этот момент поняла, что тягостным годам нашего душевного согласия пришел конец и я съеду с квартиры на улице Дамремон как можно скорее. Жизнь коротка, и уж лучше я соглашусь на изгнание в пригород (бррр), чем буду жить с теми, кому доставляет удовольствие читать мне нотации и строить страшные глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.